

ББК 63.3(2)622-72+81.411.2-51

О. В. Рябов

«ОТСТОИМ ВОЛГУ-МАТУШКУ!»: МАТЕРИНСКИЙ СИМВОЛ РЕКИ В ДИСКУРСЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Статья посвящена анализу образа Волги-матушки в дискурсе Сталинградской битвы. Автор характеризует методологические основания исследования, связанного с гендерным измерением репрезентаций рек в национальном дискурсе. Затем речь идет о том, какое место представления о материнской природе Волги занимали в советской культуре 1920—1930-х гг. Анализируются формы и функции включения образа Волги-матушки в репрезентации военных событий.

Ключевые слова: образ Волги, «Волга-матушка», материнский символ, символическая политика, Сталинградская битва, Великая Отечественная война, военная пропаганда.

O. V. Riabov. “Let us defend Mother Volga!”: the maternal symbol of the river in the discourse of the Stalingrad battle

The article deals with the analysis of employing the symbol of Mother Volga in the discourse of the battle of Stalingrad. The author points out that the battle was represented in the Soviet propaganda as defending Mother Volga which served as a substitute of the Motherland.

The article begins with a discussion of the theoretical aspects of the nationalism study exploiting the maternal symbol of rivers. It then proceeds to sketch out the role of the views on the Volga as mother in the Soviet culture of 1920—1930s. Next, the article examines forms and functions of the Soviet propaganda’s employing the image of Mother Volga in the time of the battle of Stalingrad. The author demonstrates that using this image contributed to strengthening the Soviet identity; war mobilization; substantiating the idea of the Red Army’s military and moral superiority; and creating the image of the Enemy.

Above all, employing the image helped to maintain the collective identity, participating in the drawing symbolic boundaries between “us” and “them”: the Volga received a special status as a hypostasis of the Soviet Motherland.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 11—27

© Рябов О. В., 2015

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России».

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia).

Then, the symbol was exploited by mobilization propaganda. The Volga was represented as a woman whose honour had to be protected by Soviet warriors. The motif of the foreign invasion of the USSR as desecration of the Volga and its pollution had the same connotation of meaning as a theme of dishonoring the native land. Meanwhile the call to protect the honour of the native land traditionally serves as one of the most important tool of war mobilization in Russia, appealing to male gender identity.

In addition, like Mother Russia, Volga was perceived as not only calling for help but also being an undefeatable force. It served as a factor of military superiority of the Soviet army, sending its sons, the Soviet warriors, into battle and participating in military operations.

Finally, the maternal symbol of Volga was employed in making the image of the Enemy, contributing to associating it with rape, aggression, treachery, danger, pollution, and weakness.

In conclusion the author summarizes the main results of the study and traces how the symbol of Mother Volga is employed in contemporary practices of commemoration.

Key words: the image of Volga, “Mother Volga”, maternal symbol, symbolic politics, the battle of Stalingrad, the Great Patriotic War, war propaganda.

*Памяти деда,
Василия Ивановича Козлова (1914—1942),
отдавшего жизнь за Родину*

Осенью 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, тиражом в 150 000 экземпляров был выпущен плакат В. Серова «Отстоим Волгу-матушку!» (ил. 1). Тем самым Сталинградская битва репрезентировалась как сражение за Волгу, которая при этом показана в образе матери. Материнский образ России является важным элементом репрезентаций войны в отечественной культуре. Родина-мать представлена в военном дискурсе как уязвимая, страдающая, взывающая о помощи, могущественная, непобедимая, сражающаяся; включение в военный дискурс женских аллегорий наций в таких значениях, заметим, распространено во многих культурах [Рябов, 2007]. Что касается образа реки в военной пропаганде, то это, очевидно, феномен более редкий.

Ил. 1

Цель статьи — анализ образа Волги-матушки в дискурсе Сталинградской битвы. Насколько распространенным он был в репрезентациях событий июля 1942 — февраля 1943 гг.? Какие функции он выполняет в военной пропаганде? Какими материнскими чертами при этом он наделяется? В какой степени материнские образы реки и страны коррелируют? Отвечая на эти вопросы, вначале я охарактеризую методологические основания исследования, связанного с гендерным

измерением репрезентаций рек в национальном дискурсе. Затем речь пойдет о том, какое место представления о материнской природе Волги занимали в советской культуре 1920—1930-х гг. Наконец предметом анализа станут формы и функции включения образа Волги-матушки в репрезентации военных событий. Источники исследования включают в себя прежде всего советские текстовые и визуальные материалы, размещенные в июле 1942 — марте 1943 гг. в газетах «Правда», «Красная звезда», «Известия», «Комсомольская правда» и «Литература и искусство».

Реки в дискурсе национализма: гендерное измерение

С древности и по сегодняшний день реки играют выдающуюся роль в жизни социума: они обеспечивают пищей и энергией, являются транспортными артериями и военными рубежами. Река по своей природе — один из заметных элементов коллективной идентичности, поскольку представляет собой естественную границу, которая и разъединяет сообщества, и связывает их. Напомним, что значимым элементом коллективной идентичности выступают как образы Своих и Чужих, так и символическая граница между ними¹. Особое место реки занимают в идентичности национального сообщества. Реки наделены антропоморфными чертами и представлены как самостоятельные персонажи в исторических нарративах нации. Они воспринимаются не только как маркер национального сообщества, но и как выражение «национального духа»². Образы рек включаются в произведения литературы и искусства, политическую риторику и военную пропаганду, коммерческую рекламу и брендинг территорий. Такое значение реки в идентичности нации обусловлено рядом факторов. Прежде всего это связано с особенностями позиционирования национального сообщества как естественного, природного. Поэтому природные объекты занимают в символическом пространстве нации заметное место. Реки, таким образом, выступают средством натурализации нации [Cusack, 2010: 190].

Кроме того, реки ассоциируются с плодородием и возрождением, символизируя жизнь [ibid.: 2], и тем самым позволяют использовать в нарративах нации материнскую метафору (скажем, великая индийская река носит название «Мать Ганга» [ibid.: 5]). Роль материнской метафоры и — шире — метафоры родства в легитимации нации исключительно велика [Smith, 1996: 22]. Аналогия с семьей — это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Троп семьи играет исключительно важную роль в легитимации нации, в постулировании природности национального сообщества [Tickner, 2001: 54].

¹ Символические границы, согласно концепции Ф. Барта, создаются при помощи специальных маркеров — элементов культуры, отбираемых самими членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих [Barth, 1969: 14]. Подробнее о символических границах см.: [Рябов, Константинова, 2011].

² См., напр., об образе Рейна как колыбели нации в германском национализме: [Lekan, 2004: 19].

По этой причине во многих странах получают распространение женские аллегории национальных сообществ [Mosse, 1996: 23, 64; Douglas et al., 1998: 67, 135; Landes, 2001; Hunt, 2003: 67; Эдмондсон, 2003; Gailite, 2013], одной из которых является «Россия-матушка».

«Волга-матушка» в советской культуре 1920—1930-х гг.

Важным элементом советской символической политики выступал материнский образ Волги, история которого берет начало в дореволюционной России. Представления о материнской природе реки характерны для культур многих народов, живших на ее берегах; так, Волгу называли матерью в татарской и ногайской культурах в XVII в. [Трепавлов, 1998: 43, 46]³. По мере колонизации Волги русскими материнский образ становился все более востребованным; инкорпорирование «Волги-матушки» в систему существовавших поэтических образов и символов выступило одним из способов русского освоения Поволжья [там же: 41]. В культуру Российской империи образ Волги включается прежде всего через поэзию (М. Ломоносов, А. Сумароков, Н. Карамзин, И. Дмитриев, А. Востоков, Ф. Глинка, А. Пушкин, Н. Некрасов, А. К. Толстой и др.) [Ратников, 2004; Hausmann, 2009; Зеленкова, 2013]. Особое значение для закрепления статуса национального символа Волги-матушки имело его присутствие в музыкальной культуре XIX в., в первую очередь в народных песнях, наибольшую известность из которых получили, пожалуй, «Эй, ухнем!» и «Ой ты, степь широкая». Новый этап развития представлений об исследуемом символе связан с появлением в середине XIX в. концепции «Волга — русская река»; в ее рамках происходит формирование системы образов Волги как главной реки Российского государства [Лескинен, 2013]. Дискурс национализма активно создает символы русскости, и образы Волги занимают среди них заметное место, появляясь в живописи и скульптуре, музыке и поэзии, травелогах и школьных хрестоматиях [Ely, 2003: 676—678; Cusack, 2010; Лескинен, 2013; Сарбаш, 2012]. В конце XIX — начале XX в. вышли несколько книг под названием «Волга-матушка» [Кафтырев, 1894; Благовидов, Шемякин, 1895; Тарапыгин, 1914]. Особое значение имел цикл статей В. Розанова «Русский Нил», опубликованный в «Русском слове» в 1907 г. Розанов, много писавший о «России-матушке» (и даже «России-бабушке»), не мог не затронуть проблему материнской природы великой реки [Розанов, 2015].

Специфика образа Волги в дореволюционной культуре связана с тем, что она выступала субститутотом «России-матушки», придавая тем самым этому символу дополнительную легитимность. Подобно «России-матушке», этот образ нередко использовался в утверждении идей личности России, ее отличия от Запада,

³ В. Трепавлов оговаривается, что это не дает достаточных оснований для утверждения о том, что русские в процессе освоения Поволжья заимствовали тюрконогайский образ — хотя бы потому, что материнская метафора в русской культуре использовалась при характеристике и других рек [Трепавлов, 1998: 46]. Например, матушкой звали Оку (П. Боборыкин в очерке, посвященном селу Павлово-на-Оке, упоминает старинную павловскую песню «Ока-матушка» [Боборыкин, 1877: 104]) и Кострому [Хрящев, 1952: 15—17].

ее чуждости западным ценностям. Помимо того что Волга прямо маркировалась как мать и изображалась в визуальной культуре как женщина, ее восприятию в материнском облике способствовало и приписывание ей черт, которые ассоциировались с материнским началом: рождения, плодородия, кормления, заботы, защиты, милосердия, амбивалентности (подробнее об истории, содержании и функциях образа Волги-матушки в культуре России см.: [Riabov, 2015]). В целом этот образ соответствует тем чертам, которые являются устойчивыми для материнского архетипа [Neumann, 1963] и закрепленными за образом матери в отечественной культуре [Рябова, 1996; Рябов, 1999].

Поскольку Волга выступала как национальный символ России, то и восприятие ее во многом определялось отношением к национальному вопросу в тот или иной период, что, в частности, происходило в советское время. В 1920-е для значительной части большевиков было характерно нигилистическое отношение к национальным символам, включая «Россию-матушку» [Рябов, 2007: 174—179]. Однако «Волга-матушка» не была инкорпорирована в символический официоз Российской империи до такой степени; к тому же она нередко служила символом страданий народа, с одной стороны, и народного бунта как составной части революционного движения — с другой. Оборона Царицына, связанная с именем И. Сталина, и стройки первых пятилеток (Сталинградский тракторный завод (1926—1930), Горьковский автозавод (1929—1932), канал Москва — Волга (1932—1937)) также делали Волгу более близкой советской идеологии⁴. Важнейшим моментом семиотической советизации реки стала связь ее с именем В. Ленина, родившегося на Волге, в Симбирске. Эта идея была популярна на протяжении всего советского периода⁵.

Начало советского культа Волги относится к середине 1930-х — времени воскрешения дореволюционного образа России-матушки в облике советской Родины-матери [Рябов, 2007: 183—187]. Как отмечает Х. Гюнтер, Волга становится одним из центральных символов советской культуры второй половины 1930-х; фактически она выступает «заменителем» Родины-матери, наделяясь схожими чертами [Гюнтер, 1997]. Прежде всего это характерно для кинематографа и массовой песни — двух жанров, пожалуй, наиболее востребованных в пропаганде этого времени. Большую роль в создании образа Волги-матушки в советской культуре сыграла музыкальная комедия Г. Александрова «Волга-Волга», а также «Песня о Волге» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка И. Дунаевского) из фильма⁶. В этой песне Волга показана как символ бедствий народа, страдающего под царским гнетом. Вместе с тем подчеркивается преемственность советской

⁴ Заслуживает упоминания еще один аспект репрезентаций Волги в культуре 1930-х: она выступала символом природы, подчиненной в результате индустриализации советскому человеку [Zeisler-Vralsted, 2008: 74].

⁵ Е. Евтушенко в 1958 г., в одном из первых своих стихотворений, написал о Волге: «Как бы связуя времена, / Она — и Разин, и Некрасов, / И Ленин — это все она» [Евтушенко, 2015].

⁶ Нельзя не отметить и то, что река упоминается в едва ли не главной песне 1930-х — «Песне о Родине» (слова В. Лебедева-Кумача): «Всюду жизнь и вольно и широко, / Точно Волга полная, течет»; кроме нее, подобной чести среди географических объектов удостоена лишь Москва [Песня о Родине, 2015].

Ил. 2

«Волги-матушки» и дореволюционной, для чего акцентируется ее бунтарское, революционное начало: «Не сдавалась цепям и обманам / Голубая дорога страны — / Не задаром Степан с Емельяном / Вниз по Волге водили челны» [Песня о Волге, 2015]. Об интересе советской культуры к восприятию Волги в женском облике свидетельствует и следующий факт. В 1804—1810 гг. в Петербурге на стрелке Васильевского острова у подножия роstralных колонн были установлены две мужские и две женские скульптуры из пудостского камня, которые были задуманы как аллегории коммерции и морей. Однако в 1930-х утверждается другая интерпретация этих скульптур, согласно которой они символизируют реки страны: Днепр, Волхов, Неву и Волгу; с последней ассоциировалась женская фигура с рогом изобилия и кормилом [Лескинен, 2013: 3—4] (ил. 2).

«Волга-матушка» в советской пропаганде периода Сталинградской битвы

В период Великой Отечественной войны советская пропаганда придавала первостепенное значение символу Родины-матери [Рябов, 2007: 192—202]; он широко использовался во время Сталинградской битвы. Неудивительно, что и образ Волги-матушки выступал одним из важных элементов пропаганды. Можно выделить несколько форм его использования.

Прежде всего отметим привлечение этого символа в создание образов Своих и Чужих. Волга приобретает особый статус, выступая ипостасью советской Родины; защита ее становится обязанностью каждого советского воина. Так, в одной из статей, опубликованной в сентябре 1942 г., говорилось: «Мы ощущаем Волгу как место нашего рождения, даже если мы родились далеко от нее — в Москве или где-нибудь на Урале» [Лидин, 1942]. Помогало обоснованию уникальности статуса реки и обращение к ее географическому положению; в материале, посвященном сражениям в верховьях Волги, но появившемся в период Сталинградской битвы, показано ее объединяющее начало; она превращает различные регионы СССР в единый организм: «Сейчас Волга собирает все стоны и крики, несет их через всю страну и призывает к мести» [Ямпольский, 1942: 2] (см. также, напр.: [Полевой, 1942: 2]). Пропаганда актуализировала представления о Волге как реке, объединяющей различные национальности Советского Союза. В опубликованном в «Правде» в марте 1943 г. «Поздравительном письме татарам-фронтовикам от татарского народа» (его подписали более полутора миллионов человек) были такие слова: «Сегодня вместе с вами, встав по обычаю предков на берег Волги-матушки и целуя нашу кормилицу-землю, поклянемся: “ <...> Солнце

свидетель, родная Волга! Мы не вложим сабли в ножны до того дня, пока не освободим всей нашей родной земли...» [Поздравительное письмо татарам-фронтовикам... , 1943]⁷.

Таким образом, Свои представлены как дети Волги (например, в стихотворении Е. Долматовского «Разговор Волги с Доном», напечатанном в сентябре, она посылает в бой своих сыновей — советских воинов [Долматовский, 1942]). В свою очередь, Чужие — это те, кто является смертельной опасностью для Волги-матушки. 20 августа в «Комсомольской правде» было опубликовано обращение красноармейца А. Андреева, одного из защитников Сталинграда, озаглавленное «Дума о Волге», которое начиналось так: «Мы не имеем права отступить, не смеем допустить немца к Волге. Великая русская река для нас священна, и она останется незапятнанной. Россия без Волги — тело без души!» [Андреев, 1942]. В появившемся в начале сентября 1942 г. очерке «Сталинград» И. Эренбург пишет: «Сталинград — это Волга. Кто скажет, что значит Волга для России. Нет в Европе такой реки. Она прорезает Россию. Она прорезает сердце каждого русского. Народ сложил сотни песен о Волге матушке. <...> Неужели презренные немцы будут купать в ней своих лошадей, в Волге, в великой русской реке?..» [Эренбург, 1942a]. Обратим особое внимание на содержащийся в этих текстах мотив осквернения Волги, ее загрязнения, который имеет коннотации с темой бесчестия родной земли. Между тем защита чести родной земли всегда выступала одним из важнейших элементов мобилизации в России, апеллируя к гендерной идентичности мужчин⁸. Помимо культа героизма, силы и беспощадности как атрибутов мужественности, важнейшей дискурсивной практикой, делающей войну привлекательной, являются репрезентации воина как защитника [Yuval-Davis, 1997: 15; Tickner, 2001: 57]. Поэтому картины страданий Своих женщин (или страданий нации, которая символизируется женской, материнской фигурой) в качестве апелляции к гендерной идентичности Своих мужчин широко используются в военном дискурсе [Yuval-Davis, 1997: 94]. Особый модус подобных репрезентаций связан с созданием картин бесчестия или насилия, которым женщины подвергаются со стороны Врага-мужчины⁹. Образ немца-насилыника занимал очень заметное место в советской пропаганде [Рябов, 2007: 194—195], в том числе и в период битвы на Волге (см., напр.: [Бивор, 1999: 142]). Данная тема затрагивалась даже в одном из приказов Верховного главнокомандующего; среди задач Красной армии названа и такая — «освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги» [Сталин, 1946: 36] (эти слова Сталина сопровождали изображение закованной в наручники советской

⁷ Любопытно, что в данном фрагменте письма использован текст из татарского эпоса «Идигей» (XVII в.), в котором «мать-река, полноводный Итиль» понимается как мать татарского этноса [Хабутдинов, 2015].

⁸ В частности, поругание русской земли расценивалось одновременно и как бесчестие для князя, как отмечает Л. Чёрная, анализируя представления об оппозиции «честь и бесчестие родной земли» в древнерусских текстах [Чёрная, 1991].

⁹ Заметим, что этот мотив является широко распространенным в военной пропаганде многих стран; см. подробнее: [Рябов, 2005].

Ил. 3

женщины на плакате Д. Шмаринова «Освободи!» (ил. 3)). В знаменитом же приказе «Ни шагу назад!» цель советских воинов определялась как «защита своей поруганной Родины» [Приказ НКО СССР... , 2015].

Восприятие иноземного вторжения как осквернения Волги нашло выражение и в таком источнике, как советский фольклор. В 1952 г. был издан сборник устного народного творчества под названием «Волга-матушка», в котором

содержались рассказы, записанные на территории Костромской области во время войны. Фашистская Германия в одном из рассказов была представлена в образе монстра, «одноглазого лиха клыкастого», которое «похваляется»: «Уж как я-то покорю землю русскую, / Волгу вольную иссушу до дна, / Всех людей во полон уведу, / Во темницы запру каменны...» [Хрящев, 1952: 31—32]¹⁰. Трактовка врагов советской Родины как тех, кто угрожает великой реке, появилась уже в «Песне о Волге»: «Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы — / Не видать им красавицы Волги / И не пить им из Волги воды!» [Песня о Волге, 2015]¹¹. Опять-таки — Волга изображена как красавица, которой домогается иноземный мужчина¹².

Косвенным свидетельством эффективности привлечения образа Волги-матушки в мобилизационную пропаганду могут служить воспоминания участников тех боев. Например, легендарный герой Сталинграда, командующий

¹⁰ Другое произведение, «Сталин-победитель» (1946), созданное в жанре олонхо, героического якутского эпоса, повествует о том, как «черный шаман Гитлер» «хотел воды напиться из Волги» [Тимофеев-Терёшкин, 1952: 19].

¹¹ Показательно, что эти строки вспоминали защитники Сталинграда, объясняя свою решимость стоять насмерть; так, красноармеец К. Панфилов писал своей жене В. Панфиловой в г. Южу Ивановской области: «...врагу не видать красавицы Волги» [Сталинградская эпопея, 2000: 219].

¹² Еще раньше, во время Наполеоновских войн, появилось стилизованное под народную песню стихотворение А. Востокова «Российские реки в 1813 году» с образами свободных рек, смывших с русской земли позорные следы вражеского нашествия: «Беспечально теки, Волга-матушка, / Через всю святую Русь до синя моря, / Что не пил, не мучил тебя лютый враг, / Не багрил своею кровью поганую, / Ни ногой он не топтал берегов твоих / И в глаза не видал твоих чистых струй! / Он хотел тебя шлемами вычерпать, / Расплескать он хотел тебя веслами; / Но мы за тебя оттерпелися, / И дорого мы взяли за постой с него: / Не по камням, не по бревнам мы течем теперь, / Всё по ядрам его и по орудиям; / Он богатствами дно наше вымостил, / Он оставил нам все животы свои!» — / Так вещали перед Волгою-матушкой / Свободенные реки российские; / В их сонме любимы ее дочери / Ока с Москвою негодующей, / И с чадами своими сердитый Днепр, / Он с Вязьмой, с Волью, с Березиной, / И Двина терпеливая с чадами, / С кровавой Полотой и Улою. / Как возговорит им Волга-матушка: / «Исполать вам, реки святой Руси! / Не придет уж лютый враг нашу воду пить: / Вы славян поите, лелеете!» (см.: [Ратников, 2004: 56—66]).

62-й армией В. Чуйков в мемуарах, изданных в 1970-х гг., так описывает настроения советских воинов: «...у наших солдат, у командиров, в генералитете зрело... убеждение, что на этот раз враг будет остановлен... Сейчас почти невозможно с предельной точностью определить, где, когда, в какую минуту совершился духовный, психологический перелом в наших войсках в летне-осенней кампании 1942 года. То ли на подступах к матушке-Волге, словно бы почувствовав ее за спиной, подумал советский человек: не хватит ли, не довольно ли пятиться? “За Волгой земли нет!” То ли, уже испив волжской водицы, черпнув ее “шеломом”, остановился воин в раздумье: “Велика Россия! До Волги враг дошел. Куда же дальше?”» [Чуйков, 1972: 16—17]¹³. Схожие настроения отражены и в книге американского журналиста М. Хиндуса, изданной в 1943 г., которая имела цель познакомить американцев с тем, что представляет собой их союзник, Советская Россия. В этой книге, носящей красноречивое название «Россия-Матушка», одна из частей была озаглавлена «Волга-Матушка». В ней автор пересказывает разговор с лейтенантом Красной армии, который заявил: «Эти воды никогда не будут осквернены немецкими трупами. Это Волга»; как будто, комментирует журналист, речь идет не просто о реке, а о чем-то сакральном, куда чужим вход должен быть заказан [Hindus, 1943: 86]¹⁴.

Подобно Родине-матери, Волга не только взывает о помощи, но сама является грозной, непобедимой силой. Прежде всего она служит источником военного превосходства советских воинов. Например, в очерке «Русский Антей» Эренбург, отмечая, что немцы дошли до Волги, видит в этом в какой-то степени и положительный момент: «Припадая к земле, русский Антей находит новые силы, и он встает, он идет на врага, Антея не сразить» [Эренбург, 1942b]. Она является непосредственной участницей боевых действий, представляя собой такой же природный фактор победы, как пресловутый генерал Мороз. Дж. Хаббс показывает, что в русском фольклоре реки нередко выступают как одушевленные участники военных событий¹⁵, и мы можем видеть воскрешение фольклорных мотивов в дискурсе Сталинградской битвы. В упомянутом стихотворении Долматовского Волга заявляет: «Никогда, сколь помню, не сдавались / Реки русские врагам» [Долматовский, 1942]. А. Яшину принадлежат такие строки, написанные в сентябре 1942 г. и опубликованные в ряде газет: «Разбойничать немцу недолго, / На горло ему наступи. / Круши его, матушка Волга, / Руби его, жги и топи!» [Сталинградская битва, 2009].

¹³ Сходным образом значение битвы за Волгу определяется другими советскими участниками тех событий, например: «Враг почти дошел до Волги, — до каких же еще пределов можно его допустить! <...> Война ожесточила советских людей и напитала их неукротимой ненавистью к фашистским поработителям, родила решимость остановить гитлеровские полчища, не допустить их к матушке Волге любой ценой» [Куклин, Морозов, 1962].

¹⁴ Хиндус так характеризует роль исследуемого образа в русской идентичности: где бы русский ни находился, он «мечтает о Волге, поет о Волге, прославляет Волгу, плачет о Волге» [Hindus, 1943: 83].

¹⁵ Принципиально, что в этом активное участие принимает женщина — как, например, река оказывает помощь русскому воинству в результате обращения к ней Ярославны в «Слове о полку Игореве» [Hubbs, 1988: 171].

В «Сказе про Егорку-лоцмана», который содержится в сборнике советского фольклора, повествуется о том, как молодой лоцман успешно провел караван судов по заминированной немцами Волге во время Сталинградской битвы. В сказе описывается, как река, вместе с рыбами и птицами, помогает ему решить такую сложную задачу. Отвечая на вопрос товарищей, как ему это удалось, Егорка говорит: «Ведь я же советский человек. Пуще своей жизни люблю землю родную, Волгу-матушку вольную. Только нам она, матушка, подвластна, а ворогам лютым здесь смерть приготовлена» [Хрящев, 1952: 35].

Наконец, и возмездие врагу осуществляется при непосредственном участии реки¹⁶. Характеризуя бои в Восточной Пруссии в феврале 1945 г., Е. Кригер объясняет успехи советского оружия следующим образом: «Здесь Волга шла на великое мщение» [Кригер, 1982: 357]. «Изловили лихо одноглазое, / Заковали в капканы огненные, / Утопили в Волге-матушке» — так представлена победа в Великой Отечественной войне в фольклорном источнике [Хрящев, 1952: 33]¹⁷.

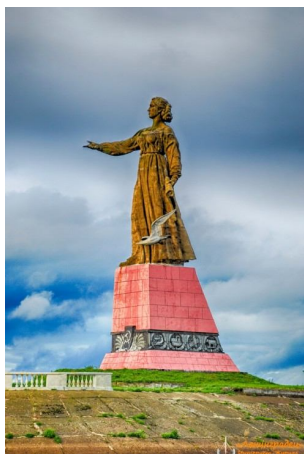
Заключение

Попробуем подвести итоги. В дискурсе Сталинградской битвы образ Волги был представлен широко и многоаспектно. Река при этом была охарактеризована как мать, применительно к ней можно было говорить о рождении, заботе, силе, уязвимости, сакральности, смерти. Можно выделить несколько функций данного символа в военной пропаганде. Прежде всего он помогал укреплению советской идентичности, выполняя роль субститута советской Родины и участвуя в проведении символических границ между Своими и Чужими. Очевидно, привлечение символа Волги-матушки повышало эффективность использования образа Родины-матери: он в большей степени оказывался связанным с родной землей, природой, чем с государственной машиной. Подобная «натурализация» национального сообщества усиливалась и за счет репрезентаций Своих как детей Волги. Далее, образ включался в мобилизационную пропаганду. Волга была представлена как женщина, честь которой обязан защитить советский солдат; уступить врагу реку означало покрыть себя вечным позором. Затем, образ всемогущей реки вселял уверенность Своих в победе, будучи использованным в обосновании военного превосходства Красной армии. Наконец, материнский символ Волги активно вовлекался в создание образа Врага, способствуя ассоциированию его с насилием, агрессией, вероломством, опасностью, грязью, слабостью; в Сталинградской битве природа, живое, противостояла механическому, искусственному, мертвому.

¹⁶ О реке как символе смерти см., напр.: [Кусмидинова, 2010].

¹⁷ Заметим, что и дореволюционные авторы нередко выказывали убежденность в спасительной роли Волги в русской истории (напр.: «Когда вся Россия была беззащитною жертвою чужих и своих злодеев, на берегах Волги явился и спаситель ее — нижегородский гражданин Минин» [Благовидов, Шемякин, 1895: 8]). Россия находится как бы под покровительством Волги; в связи с этим имеет смысл вспомнить, насколько популярной в русской культуре была идея сотериологической миссии женщины-матери, женского начала: Россию спасет женщина, Россию спасет мать [Рябов, 1999].

Разумеется, советская пропаганда подчеркивала, что врага необходимо остановить в силу прежде всего огромного военного и экономического значения Сталинграда и Волги. Однако у этой битвы было и символическое измерение: советские воины сражались и за Волгу как ипостась Родины-матери¹⁸.

Ил. 4

Ил. 5

Таким образом, материнский символ Волги выступал одним из факторов победы в Сталинградской битве. В свою очередь, успех Красной армии в битве и в Великой Отечественной войне в целом сделал символический капитал «Волги-матушки» еще более значительным. Яркой демонстрацией роли исследуемого символа в послевоенной советской культуре стал монумент «Мать-Волга» (ил. 4), установленный возле Рыбинского водохранилища в 1953 г., в самый разгар холодной войны. 28-метровая скульптура представляет собой аллегорическое изображение реки в образе русской женщины. Не будет преувеличением сказать, что в какой-то степени «Волгу-матушку» был призван символизировать и один из наиболее значительных монументов советской эпохи, связанных с памятью о войне, — «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане. В репортажах, посвященных открытию памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы», состоявшемуся в октябре 1967 г., отмечалось, что бассейн в центре площади Героев — это «кусочек Волги» [Героям Сталинградской битвы, 1967], что на скульптуре «Стоять насмерть!» (ил. 5) помещен знаменитый девиз «За Волгой для нас земли нет!» [Понизовский, Щербаков, 1967], а автор, Е. Вучетич, так объяснял смысл этой скульптуры: «Он, этот богатырь, поднялся во весь рост над матерью наших рек — Волгой и бесстрашно посмотрел в лицо смерти» [На кургане бессмертных, 1967]. Образ этого воина, как известно, имеет внешнее сходство с маршалом Чуйковым, который также выступал на открытии, отметив, что «воины-сталинградцы дали клятву Родине: враг будет остановлен и разгромлен — за Волгой для нас земли нет» и этот рубеж указала им Родина-мать [Подвиг Сталинграда бессмертен, 1967]. В его речи отражен такой элемент

¹⁸ Очевидно, особый статус города был связан также с тем, что он носил имя руководителя СССР [Шелих, 2003: 25].

коммеморационных практик, как связь исторического события с задачами текущей политики: он подчеркнул, что «величественный памятник», который «отражается в воде великой русской реки матушки Волги», служит предостережением любому агрессору [там же]. Материнский символ реки рассматривается как важный фактор героизма советских воинов и в сегодняшних практиках коммеморации. Так, например, репортаж о приеме в Кремле по случаю 70-летия разгрома немецко-фашистских войск в Сталинградской битве, помещенный в «Красной звезде», был озаглавлен «Отстояли Волгу-матушку» [Мохов, 2013].

Библиографический список

- Андреев А.* Дума о Волге // Комсомольская правда. 1942. 20 августа.
- Бивор Э.* Сталинград. Смоленск: Русич, 1999. 448 с.
- Благовидов Н. Ф., Шемякин В. И.* Волга-матушка. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1895. 361 с.
- Боборыкин П.* Русский Шеффилд: (очерк села Павлова) // Отечественные записки. СПб., 1877. Т. 203. С. 76—394.
- Героям Сталинградской битвы: торжественное открытие памятника-ансамбля в Волгограде // Правда. 1967. 16 октября.
- Гюнтер Х.* Поющая Родина: советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46—61.
- Долматовский Е.* Разговор Волги с Доном // Комсомольская правда. 1942. 25 сентября.
- Зеленкова Е. В.* Жанр «советской оды» в творчестве Лебедева-Кумача // Филологические науки: вопросы теории и практики; грамота. 2013. № 6, ч. 1. С. 85—88.
- Евтушенко Е.* Волга. URL.: <http://www.evtushenko.net/013.html> (дата обращения: 21.03.2015).
- Кафтырев С. Н.* Волга-матушка, кормилица-поилица русского народа. М.: Н. П. Барков, 1894. 35 с.
- Кригер Е.* Глубина фронта // От Советского информбюро... , 1941—1945: публицистика и очерки военных лет: в 2 т. М.: АПН, 1982. Т. 2. С. 355—361.
- Куклин П., Морозов И.* Двести дней и ночей // Битва за Волгу: воспоминания участников Сталинградского сражения. Волгоград: Волгогр. кн. изд-во, 1962. 442 с. URL: <http://www.molodguard.ru/heroes3701.htm> (дата обращения: 21.03.2015).
- Кусмидинова М. Х.* Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2010. 201 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-volgi-v-istoriko-kulturnom-razvitii-rossii-filosofskii-analiz> (дата обращения: 21.03.2015).
- Лескинен М.* «Волга — русская река»: образы и описания главной реки империи во второй половине XIX века // Родина. 2013. № 12. С. 2—7.
- Лидин В.* Волга // Известия. 1942. 16 сентября.
- Мохов В.* Отстояли Волгу-матушку // Красная звезда. 2013. 1 февраля.
- На кургане бессмертных: беседа с народным художником СССР Е. В. Вучетичем // Красная звезда. 1967. 14 октября.
- Песня о Волге. URL.: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=volga2> (дата обращения: 21.03.2015).
- Песня о Родине. URL.: <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=shstran2> (дата обращения: 21.03.2015).
- Подвиг Сталинграда бессмертен: открытие памятника-ансамбля на Мамаевом кургане // Красная звезда. 1967. 17 октября.

- Поздравительное письмо татарам-фронтовикам от татарского народа // Правда. 1943. 5 марта.
- Понизовский В., Щербаков А.* Родина — своим солдатам: в Волгограде открыт памятник-ансамбль героям Сталинградской битвы // Комсомольская правда. 1967. 17 октября.
- Полевой Б.* За Волгой-матушкой // Правда. 1942. 12 октября.
- Приказ НКО СССР от 28.07.1942 г. № 227. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_28.07.1942_№_227 (дата обращения: 21.03.2015).
- Ратников К. В.* Русские реки: поэзия и политика; идеологический компонент гидротипных образов в лирике от Ломоносова до Тютчева // Вестник Челябинского университета. Сер. 2: Филология. 2004. № 1. С. 56—66.
- Розанов В. В.* Русский Нил. URL: <http://mreadz.com/new/index.php?id=108695&pages=1> (дата обращения: 21.03.2015).
- Рябов О. В.* Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново: Юнона, 1999. 359 с.
- Рябов О. В.* Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 19—28.
- Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В., Константинова М. А.* «Русский медведь» как символический пограничник // Труды Карельского научного центра РАН. 2011. № 6. С. 114—123.
- Рябова Т. Б.* Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1. С. 28—32.
- Сарбаш Л. Н.* «Путешествие по Волге» в русской литературе XIX века: «Куль хлеба и его похождения» С. В. Максимова // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 158—160.
- Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ, 1946. 186 с.
- Сталинградская битва, июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2009. 752 с.
- Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачёв. М.: Звонница-МГ, 2000. 496 с.
- Таратыгин Ф. А.* Волга-матушка: образовательное путешествие по Волге: очерки и картины волжской жизни от истока реки до впадения ее в Каспийское море. Петроград: Новое время, 1914. 304 с.
- Тимофеев-Терёшкин М. Н.* Сталин-победитель // Тимофеев-Терёшкин М. Н. Простые песни: стихи и сказания, 1931—1951. М.: Сов. писатель, 1952. С. 12—22.
- Трепавлов В. В.* «Волга-матушка» — для кого? // Родина. 1998. № 4. С. 41—46.
- Хабутдинов А. Ю.* Духовные управления и советские мусульмане в годы Великой Отечественной войны. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/23-24/habutdin.htm (дата обращения: 21.03.2015).
- Хрящев В. В.* Волга-матушка: сборник устного народного творчества Костромской области. Кострома: Костром. обл. гос. изд-во, 1952. 46 с.
- Чёрная Л. А.* «Честь»: представления о чести и бесчестии в русской литературе XI—XVII веков // Древнерусская литература: изображение общества / под ред. А. С. Дёмина. Л.: Наука, 1991. С. 56—84.
- Чуйков В. И.* Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М.: Сов. Россия, 1972. 253 с.
- Шелих В. фон.* Сталинград в советской памяти // Память о Сталинграде: Сталинград в немецкой и российской памяти / под ред. P. Jahn. Berlin: Ch. Links Verlag, 2003. С. 24—32.

-
- Эдмондсон Л. Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в европейском контексте // Пол. Гендер. Культура: немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2003. Вып 3. С. 135—162.
- Эренбург И. Г. Сталинград // Красная звезда. 1942а. 6 сентября.
- Эренбург И. Г. Русский Антей // Красная звезда. 1942б. 20 сентября.
- Ямпольский Б. На Волге // Известия. 1942. 21 ноября.
- Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967 / ed. by F. Barth. Boston: Little, Brown, 1969. P. 9—38.
- Cusack T. Riverscapes and National Identities. Syracuse: Syracuse University Press, 2010. 237 p.
- Douglas R., Harte L., O'Hara J. Drawing Conclusions: a Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798—1998. Belfast: Blackstaff, 1998. 350 p.
- Ely Ch. The origins of Russian scenery: Volga river tourism and Russian landscape aesthetics // Slavic Review. Vol. 62, № 4 (Winter, 2003). P. 666—682.
- Gailite G. «Mother Latvia» in constructing Self and Other: a case of Latvian caricature XIX c. — 1940 // Competing Eyes: Visual Encounters with Alterity in Central and Eastern Europe / ed. by D. Demski, I. Sz. Kristóf, K. Baraniecka-Olszewska. Budapest: l'Harmattan, 2013. P. 170—189.
- Hausmann G. Mütterchen Wolga ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main: Campus, 2009. 494 S.
- Hindus M. Mother Russia. London: Collins, 1943. 510 p.
- Hubbs J. Mother Russia: the Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington: Indiana University Press, 1988. 324 p.
- Hunt T. L. Defining John Bull: Political Caricature and National Identity in Late Georgian England. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2003. 452 p.
- Landes J. B. Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 254 p.
- Lekan T. M. Imagining the Nation in Nature: Landscape Preservation and German Identity, 1885—1945. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 342 p.
- Mosse G. L. The Image of Man: the Creation of Modern Masculinity. New York: Oxford University Press, 1996. 240 p.
- Neumann E. The Great Mother: an Analysis of the Archetype. Princeton: Princeton University Press, 1963. 432 p.
- Riabov O. V. «Mother Volga» and «Mother Russia»: on the role of the river in gendering Russianness // Water-Russia-Culture / ed. by J. Costlow, A. Rosenholm. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2015. P. 246—270.
- Smith A. D. National Identity. Reno: University of Nevada Press, 1996. 240 p.
- Tickner J. A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-cold War Era. New York: Columbia University Press, 2001. 200 p.
- Warner M. Monuments and Maidens: the Allegory of the Female Form. New York: University of California Press, 1985. 417 p.
- Yuval-Davis N. Gender and Nation. London: Sage Publications, 1997. 157 p.
- Zeisler-Vralsted D. The cultural and hydrological development of the Mississippi and Volga rivers // Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America / ed. by Ch. Mauch, Th. Zeller. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. P. 63—77.

References

- Barth, F. (1969) Introduction, in: Barth, F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference: Results of a Symposium Held at the University of Bergen, 23rd to 26th February 1967*, Boston: Little, Brown, pp. 9—38.
- Bivor, E. (1999) *Stalingrad*, Smolensk: Rusich.
- Blagovidov, N. F., Shemiakin, V. I. (1895) *Volga-matushka* [Mother Volga]. St. Peterburg: Tipografiia V. V. Komarova.
- Boborykin, P. (1877) Russkii Sheffield: (Ocherk sela Pavlova) [Russian Sheffield: (A sketch of Pavlovo village)], *Otechestvennye zapiski*, vol. 203, pp. 76—394.
- Chernaia, L. A. (1991) “Chest’”: Predstavleniia o chesti i beschestii v russkoï literature XI—XVII vekov [“Honour”: Attitudes to honor and dishonor in Russian literature of XI—XVII centuries], in: Demin, A. S. (ed.) *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie obshchestva*. Leningrad: Nauka, pp. 56—84.
- Chuikov, V. I. (1972) *Gvardeïtsy Stalingrada idut na zapad* [The guardsmen of Stalingrad go to the West], Moscow: Sovetskaia Rossiia.
- Cusack, T. (2010) *Riverscapes and National Identities*, Syracuse: Syracuse University Press.
- Douglas, R., Harte, L., O’Hara, J. (1998) *Drawing Conclusions: A Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798—1998*, Belfast: Blackstaff.
- Edmondson, L. (2003) Gender, mif i natsiia v Evrope: Obraz matushki Rossii v evropeiskom kontekste [Gender, myth, and nation in Europe: Image of Mother Russia in the European context], in: Shore, E., Khaider, K. (eds) *Pol. Gender. Kul’tura: Nemetskie i russkie issledovaniia*, Moscow: RGGU, pp. 135—162.
- Ely, Ch. (2003) The Origins of Russian scenery: Volga river tourism and Russian landscape aesthetics, *Slavic Review*, vol. 62, no. 4, Winter, pp. 666—682.
- Gailite, G. (2013) “Mother Latvia” in constructing Self and Other: A case of Latvian caricature XIX c. — 1940, in: Demski, D., Kristóf, I. Sz., Baraniecka-Olszewska, K. (eds), *Competing Eyes: Visual Encounters with Alterity in Central and Eastern Europe*, Budapest: l’Harmattan, pp. 170—189.
- Giunter, Kh. (1997) Poiushchaia Rodina: Sovetskaia massovaia pesnia kak vyrazhenie arkheta materii [Singing Motherland: Soviet mass song as an expression of the mother archetype], *Voprosy literatury*, no. 4, pp. 46—61.
- Hausmann, G. (2009) *Mütterchen Wolga ein Fluss als Erinnerungsort vom 16. bis ins frühe 20. Jahrhundert*, Frankfurt am Main: Campus.
- Hindus, M. (1943) *Mother Russia*, London: Collins.
- Hubbs, J. (1988) *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*, Bloomington: Indiana University Press.
- Hunt, T. L. (2003) *Defining John Bull: Political Caricature and National Identity in Late Georgian England*, Aldershot, Burlington: Ashgate.
- Kaftyrev, S. N. (1894) *Volga-matushka, kormilitsa-poilitsa russkogo naroda* [Mother Volga who feeds and keeps Russian people], Moscow: Tipografiia N. P. Barkova.
- Khabutdinov, A. Iu. (2015) *Dukhovnye upravleniia i sovetskie musul’mane v gody Velikoï Otechestvennoï voïny* [Spiritual administrations and Soviet Muslims in the time of Great Patriotic War], available from http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/23-24/xabutdin.htm (accessed 21.03.2015).
- Khriashchev, V. V. (1952) *Volga-matushka: Sbornik ustnogo narodnogo tvorchestva Kostromskoi oblasti* [Mother Volga: Collection of folklore of Kostroma region], Kostroma: Kostromskoe oblastnoe gosizdatel’stvo.
- Kruger, E. (1982) Glubina fronta [The scale of the offensive], in: *Ot Sovetskogo informbiuro..., 1941—1945: Publitsistika i ocherki voennykh let*: in 2 vols, Moscow: APN, vol. 2, pp. 355—361.

- Kuklin, P., Morozov, I. (1962) Dvesti dneĭ i nocheĭ [Two hundred days and nights], in: *Bitva za Volgu: Vospominaniia uchastnikov Stalingradskogo srazheniia*, Volgograd: Volgogradskoe knizhnoe izdatel'stvo, available from <http://www.molodguard.ru/heroes3701.htm> (accessed 21.09.2014).
- Kusmidinova, M. Kh. (2010) *Kontsept Volgi v istoriko-kul'turnom razvitii Rossii: filosofskii analiz*: Dis. ... kand. filos. nauk [Concept of Volga in historical and cultural development of Russia: philosophical analysis: Diss. (Cand. Sc.)], Astrakhan': Astrakhanskiĭ gosudarstvennyiĭ Universitet, available from <http://www.dissercat.com/content/kontsept-volgi-v-istoriko-kulturnom-razvitii-rossii-filosofskii-analiz> (accessed 21.09.2014).
- Landes, J. B. (2001) *Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France*, Ithaca: Cornell University Press.
- Lekan T. M. (2004) *Imagining the Nation in Nature: Landscape Preservation and German Identity, 1885—1945*, Cambridge: Harvard University Press.
- Leskinen, M. (2013) “Volga — russkaia reka”: obrazy i opisaniia glavnoi reki imperii vo vtoroi polovine XIX veka [“Volga is the Russian river”: images and descriptions of main river of the Empire in the second half of XIX century], *Rodina*, no. 12, pp. 2—7.
- Mosse, G. L. (1996) *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*, New York: Oxford University Press.
- Ratnikov, K. V. (2004) Russkie reki: Poeziia i politika. Ideologicheskiĭ component gidrotipnykh obrazov v lirike ot Lomonosova do Tiutcheva [Russian rivers: Poetry and politics. Ideological component of hydrotype images in lyrics from Lomonosov to Tyutchev], *Vestnik Cheliabinskogo universiteta*, seria 2, Filologiya, no. 1, pp. 56—66.
- Rozanov, V. V. (2015) *Russkiĭ Nil* [The Russian Nile], available from <http://mreadz.com/new/index.php?id=108695&pages=1> (accessed 21.03.2015).
- Riabov, O. V. (1999) *Russkaia filosofii zhenstvennosti (XI—XX veka)* [The Russian philosophy of the feminine (XI—XX centuries)], Ivanovo: Iunona.
- Riabov, O. V. (2005) Natsiia i gender v vizual'nykh reprezentatsiakh voennoi propagandy [Nation and gender in the visual representations of war propaganda], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 19—28.
- Riabov, O. V. (2007) “Rossiia-Matushka”: Natsionalizm, gender i voĭna v Rossii XX veka [“Mother Russia”: Nationalism, gender, and war in Russia of XX century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2015) “Mother Volga” and “Mother Russia”: on the role of the river in gendering Russianness, in: Costlow, J., Rosenholm, A. (eds), *Water-Russia-Culture*, Aldershot, Burlington: Ashgate, pp. 246—270.
- Riabov, O. V., Konstantinova, M. A. (2011) “Russkiĭ medved'” kak simvolicheskiĭ pogranichnik [The “Russian bear” as a symbolic borderguard], *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 6, pp. 114—123.
- Riabova, T. B. (1996) Materinskaia i otsovskaiia liubov' v ruskoĭ srednevekovoi traditsii [Maternal and paternal love in the Russian Medieval tradition], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 28—32.
- Sarbash, L. N. (2012) “Puteshestvie po Volge” v ruskoĭ literature XIX veka: “Kul' khleba i ego pokhozhdeniia” S. V. Maksimova [“Travelling down the Volga” in the Russian literature of XIX century: S. V. Maksimov's “The sack of bread and its adventure”], *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, no. 5, pp. 158—160.
- Shelikh, V. fon (2003) Stalingrad v sovetskoĭ pamiatii [Stalingrad in the Soviet memory], in: Jahn, P. (ed.) *Pamiat' o Stalingrade: Stalingrad v nemetskoĭ i rossiiskoi pamiatii*, Berlin: Ch. Links Verlag, pp. 24—32.
- Smith, A. D. (1996) *National Identity*, Reno: University of Nevada Press.

- Stalin, I. V. (1946) *O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soiuza* [About the Great Patriotic War of the USSR], Moscow: OGIZ.
- Tarapugin, F. A. (1914) *Volga-matushka: obrazovatel'noe puteshestvie po Volge: Oчерки i kartiny Volzhskoi zhizni ot istoka reki do vpadeniia ee v Kaspiskoe more* [Mother Volga: educational travel down the Volga: The sketches and images of Volga life from the river mouth to its influx into the Caspian sea], Petrograd: Novoe vremia.
- Timofeev-Tereshkin, M. N. (1952) Stalin-pobeditel' [Stalin the Victor], in: Timofeev-Tereshkin M. N. *Prostye pesni: Stikhi i skazaniia, 1931—1951*, Moscow: Sovetskii pisatel', pp. 12—22.
- Tickner, J. A. (2001) *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-cold War Era*, New York: Columbia University Press.
- Trepavlov, V. V. (1998) “Volga-matushka” — dlia kogo? [“Mother Volga” — for whom?], *Rodina*, no. 4, pp. 41—46.
- Warner, M. (1985) *Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form*, New York: University of California Press.
- Yuval-Davis, N. (1997) *Gender and Nation*. London: Sage Publications.
- Zagorul'ko, M. M. (ed.) (2009) *Stalingradskaia bitva, iiul' 1942 — fevral' 1943: Entsiklopediia* [The battle of Stalingrad, July 1942 — February 1943: Encyclopedia], Volgograd: Izdatel'.
- Zeisler-Vralsted, D. (2008) The cultural and hydrological development of the Mississippi and Volga rivers, in: Mauch, Ch., Zeller, Th. (eds) *Rivers in History: Perspectives on Waterways in Europe and North America*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, pp. 63—77.
- Zelenkova, E. V. (2013) Zhanr “sovetskoj ody” v tvorchestve Lebedeva-Kumacha [The genre of “Soviet ode” in Lebedev-Kumach’s works], *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, no. 6, part 1, pp. 85—88.
- Zhadobin, A. T., Markovchin, V. V., Sigachëv, Iu. V. (eds) (2000) *Stalingradskaia epopeia: Materialy NKVD SSSR i voennoj tsenzury iz Tsentral'nogo arkhiva FSB RF* [Stalingrad epopee: Materials of NKVD USSR and war censorship from the Central archive of FSB RF], Moscow: Zvonitsa-MG.

Список иллюстраций

1. Серов В. Отстоим Волгу-матушку! URL: <http://macrosvit.com.ua/otstoim-volgu-matushku/28883/> (дата обращения: 21.03.2015).
2. Тибо Ж. Волга. URL: http://www.piter-arch.ru/gallery/detales/big_814.jpg (дата обращения: 21.03.2015).
3. Шмаринов Д. Освободи! URL: http://softsalo.com/soviet_41-45_polit/plakat_4145_154.jpg (дата обращения: 21.03.2015).
4. Шапошников С., Малашкина В. Мать-Волга. URL: <http://news-piter.ru/wp-content/uploads/2013/04/14.jpg> (дата обращения: 21.03.2015).
5. Вучетич Е. и др. Памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/ru/d/d0/Soldat_on_Mamayev_kurgan.jpg (дата обращения: 21.03.2015).